

«Очарованный странник»

Слово «очарование» имеет в произведениях Лескова глубокий смысл. Можно сказать, что он придал религиозному понятию фатализма тот характер, с каким оно выступает в мировоззрении русского народа. На первых ступенях развития народ, ощущая волю божества, принимает ее в свою душу с каким-то блаженным послушанием. Религия сливается с радостной мечтой, и механические законы, управляющие жизнью с жестокой последовательностью, представляются силами, колдующими на благо людей. На что бы ни посмотрел религиозный человек из простого народа, все приобретает для него чудесное значение. Он видит Бога в явлениях — и эти явления кажутся ему одной воздушной цепью, которая связывает его с последним убежищем духа. Совершая свою житейскую дорогу, он проливает на нее свет своей младенческой веры, не сомневаясь, что дорога ведет его к Богу. Эта мысль проходит через весь рассказ Лескова «Очарованный странник». Подробности его поражают своей оригинальностью, и местами сквозь густые краски бытового описания чувствуется натура писателя, с ее разнообразными, явными и тайными страстями.

«Истинным художником, – говорил однажды Лесков в обществе молодых писателей, – может быть только тот, у кого “все страсти в сборе”». В «Очарованном страннике» именно такое редкое сочетание всех страстей. Дикие и нежные образы чередуются в вихре бытовых и романтических происшествий. Но под внешними событиями рассказа струится тихая религиозная стихия, неразлучная с душой Лескова. Герой рассказа назван очарованным странником, и в этом названии выступает целое мировоззрение писателя.

Очарование — это мудрая и благодатная судьба, которая, подобно чудесной иконе в «Запечатленном ангеле», сама ставит человеку разные искушения. Даже в минуты восстания против нее она неспешно и незаметно воспитывает в человеке божественное самоотрицание, готовя решительный перелом в его сознании. Каждое жизненное событие оставляет в душе какую-то тень, зарождающая в ней горестные сомнения, тихую печаль о житейской суете. Нагромождаются несчастья, взаимные обиды, преступления, а душа расцветает и созревает для радостного освобождения.

Герой рассказа, Иван Северьянович, «моленный» сын, которого мать «обещала Богу», через тысячи бедствий, начавшихся почти с детства, незаметно для себя идет к духовному освобождению. Наделенный необычными физическими силами и диким темпераментом, он бессознательно бунтует против тяготеющих над ним чар. Но каждое происшествие, в котором судьба готовит ему тяжелое испытание, приближает его к предназначенной развязке. Тонкий знаток и любитель породистых лошадей, он умел объезжать их с неслыханной смелостью. Это было его страстью. Он обуздывал самых неукротимых коней, как бы ища победы над стихийными силами, которые бушевали в нем самом. Управляя бешеным киргизским шестериком, он с гиканьем несся по дорогам, готовый исполосовать кнутом всякого встречного.

Однажды, исполняя роль фореитора, он на всем скаку приподнялся на стременах и, заскрипев зубами, хватил кнутом лежавшего на встречном возу старого монаха. Монах полетел с воза, заматался в вожжах и, попав под колесо, отдал Богу душу.

В ту же ночь Иван Северьянович в беспокойном сне ведет первую беседу со своей совестью: ему является видение засеченного монаха, который неожиданно открывает перед ним горизонты будущего спасения. «Будешь ты, – говорит он ему, – много раз погибать и ни разу не погибнешь, пока придет твоя настоящая погибель и ты тогда вспомнишь материно обещание за тебя и пойдешь в чернецы».

Но молодой богатырь не понимает голоса собственной совести. Ивану Северьяновичу предстоит еще долгое странствование по опасным жизненным дорогам, и материн-

ское обещание исполнится только тогда, когда уляжется бушующее море его природной дикости и опыт многострадальной жизни завершится ее мудрым и спокойным разумением.

Но уже с самого начала жизнь создает для него невольные поучения, смягчая в нем страсти. При богатырской физической силе, Иван Северьянович тонко чувствует природу, холит голубей и даже попадает из-за них в неприятную историю. Это его первое испытание, от которого он пойдет бродить по свету. После этой истории он привязывается к одному покинутому матерью ребенку, которого воспитывает по поручению его отца с нежностью женщины. Дело происходит в провинциальном приморском городе, и здесь, на берегу лимана, где он проводит с ребенком целые часы, его опять посещает видение убитого им монаха. Как только дух его соприкасается с бесконечностью, он слышит голос, который зовет его в таинственную даль. В нем просыпается тоска, его одолевают странные пестрые галлюцинации, сквозь которые слышится тихий звон колокола: в тумане выступает, как пророческое знамение, белый монастырь. Тут же на морском берегу он дерется из-за ребенка с офицером, но в процессе этой драки Иван Северьянович чувствует, что офицер подкупает его душу своей благородной гордостью. Через некоторое время Иван Северьянович, как милостыни, просит офицера, чтобы он поквитался с ним за грубость и дерзость, и тронутый офицер бросается к нему на шею.

Вслед за этим он попадает к татарам, засекает насмерть в азиатском поединке татарина и скрывается от русской полиции в населенной татарами степи. Здесь он проводит десять лет, не имея возможности бежать, потому что ему изуродовали ноги. Жизнь его протекает среди невольных утех, но под впечатлением беспредельных степных горизонтов тоска все растет и расширяется. Им опять овладевают галлюцинации.

«Знойный вид, жестокий; простор – краю нет; травы, буйство; ковыль белый, пушистый, как серебряное море, волнуется и по ветерку запах несет: овцой пахнет, а солнце обливает, жжет, и степи, словно жизни тягостной, нигде конца не предвидится. И тут глубине тоски дна нет. Зришь сам не знаешь куда, и вдруг пред тобой отколь ни возьмется обозначается монастырь или храм, и вспомнишь крещеную землю и заплачешь».

Природная жестокость тает в слезах. Душа просит молитвы, и по ночам Иван Северьянович, уходя от жен, долго кладет земные поклоны, пока не протает снег под коленями. Наконец ему удается бежать из татарской степи. После новых приключений он попадает в привычную ему атмосферу — на службу по конному делу. Силы и страсти, притихшие во время вынужденного бездействия в степи, прорываются в пьяных, разгульных кутежах, сменяющих периоды честного исполнения своих обязанностей.

Однажды в трактире он сталкивается с проходивцем магнетизером, который приводит его к цыганам. Здесь Иван Северьянович влюбляется в цыганку Грушу. Но в любви к ней Ивана Северьяновича есть черты, хорошо передающие настроение, близкое к перевороту. Яснее слышится тоска, любовное восхищение, готовое на самопожертвование, уже содержит в себе ту духовную силу, которая приведет героя к тихой прохладе монастырской жизни. В этом артисте страстей уже обозначается будущий смиренник и постник.

Убийство Груши изображено не особенно ярко, что могло бы придать оригинальный характер этой трагической по замыслу сцене. После убийства для Ивана Северьяновича начинаются последние испытания. Пятнадцать лет он служит солдатом на Кавказе, геройски сражаясь под военным знаменем ради искупления своих многочисленных грехов. Но смерть не приходит, потому что очарованный странник еще не выполнил предназначенной задачи. Новое видение — убитая цыганка, представляющаяся ему теперь утешительным ангелом, бросает последнюю тень в его душу, которая почти созрела для освобождения.

Иван Северьянович уходит в монастырь. Его сознание окончательно просветлело, но победа над стихией, которая привыкла метаться и бушевать, дается не легко. Он кладет

бесчисленные земные поклоны, по несколько дней воздерживается от пищи, но тут же невольно нарушает строгий чин монастырской жизни отдельными буйными вспышками. Он не может еще принять в душу великого закона «благого молчания». Иногда он впадает в иступленное пророчество относительно жизненных событий, проникнутое земным пафосом. Настоящее освобождение, которое не достигается никакими человеческими уставами, совершится только за пределами монастыря, в очистительной смерти деятельного подвижника. Иван Северьянович собирается снять клобук и положить душу за людей...

«Проговорив это, очарованный странник как бы вновь ощутил на себе наитие вещательного духа и впал в тихую сосредоточенность, которой никто из собеседников не позволил себе прервать ни одним новым вопросом. Да и о чем было его еще более расспрашивать? Повествования своего минувшего он исповедал со всею откровенностью своей простой души, а провещения его остаются до времени в руке Сокрывающего судьбы свои от умных и разумных и только иногда открывающего их младенцам...»

Может показаться, что автор несколько изменил прямой линии своего рассказа, потому что Иван Северьянович как бы не исполняет обетования своей матери и предсказания первого видения. Но это только кажется. Художник, очертив сначала религиозное мировоззрение в наивных народных образах, углубляет задачу сообразно своему более широкому настроению и пониманию. Очарование исполняется неизменно, как судьба, не дающая на земле никаких успокоений. Опыт жизни разбудил в страннике глубокие духовные требования, которых он даже не предчувствовал в своих пророческих галлюцинациях, носивших печать его младенческой веры.

В «Очарованном страннике» Лесков говорит о «добром русском богатыре», о «добром простодушии», о «доброй душе», о «добром и строгом житии». Жизнь описываемых героев полна диких, злых и жестоких порывов, но в скрытом источнике всяких человеческих поступков и помышлений покоится доброта — неземная, идеальная, мистическая. Она не открывается среди людей в своем чистом виде, потому что доброта есть состояние души, соприкоснувшейся с божеством, потому что противоречия земной борьбы давят на нее своей тяжестью.

Лесков дает своему герою пристрастие к белому цвету. Иван Северьянович вспоминает в рассказе о «белых голубях», «белой козе», «белой кобылице» и мечтает о «белом монастыре». Белый цвет служит выражением его симпатии и освободительных фантазий. То, что называется добротой, в духовном мире находит свой чувственный символ в Белизне. На вершине просветленного сознания Иван Северьянович получает последнее откровение, научаясь свято чтить «благое молчание», ту великую внутреннюю тишину, которая соединяет жизнь с вечной красотой.

Все эти отвлеченные понятия и идеи показаны Лесковым в колоритном бытовом освещении, с убеждением, что «добрый богатырь», любящий во всем белизну и способный понять величие благого молчания, есть тип чисто русского человека с «прохладной русской кровью».

По А. Волынскому

«Очарованный странник» — хроника скитаний богатыря Ивана Северьяновича по родной земле. В глубоко символической фигуре этого скитальца, по выражению Горького «очарованного любовью к жизни и к людям», сочетаются противоречивые черты: Ивана Северьяновича характеризуют, с одной стороны, могучие, неумные силы духа, неугасимая жизненность («всю жизнь свою погибал и никак не мог погибнуть»), высокое благородство, нежная и привязчивая душа; с другой стороны, необузданная страстность широкой натуры иногда толкает его на жестокие выходки, даже на преступление. Но через все свои странствия и злоключения герой пронесет нетронутыми сердечность, отзывчивость, постоянную готовность к самопожертвованию ради своей отчизны и своих

близких. В тяжелых многолетних скитаниях Ивана Северьяновича как бы воплощаются трудности исторического пути русского народа (эпизод с пленением его татарами). Писатель не боится наделить своего героя даже кое-какими смешными черточками. Но они лишь ярче оттеняют его подлинное внутреннее величие.

По Ф. Евнину

В первой половине 1870-х годов Лесков вслед за «Соборянами» пишет повесть «Очарованный странник».

Ее герой — Иван Северьянович Флягин — «простодушный добрый русский богатырь», наивный исполин с седеющей гривой, знаток лошадей в иноческом подряснике. Образ, хорошо знакомый по «Соборянам», но наделенный несравненно более бурной и пестрой судьбою: графский фореитор и укротитель бешеных коней, кормилец и «нянька» грудного младенца, победитель татарина в смертельном поединке, пленник кочевников и многоженец, балаганный актер и монастырский послушник, бродячий ветеринар и рекрут кавказской армии, получающий за храбрость Георгия и офицерский чин, — таков этот необычайный, сложный и мощный образ.

Это человек чистый сердцем, но подвластный неукротимым страстям, кроткий к детям и животным, но подчас горячий и даже опасный в своих порывах. Таким блуждает он по градам и становищам, нигде и никогда не утрачивая непередаваемого очарования своей цельной, великодушной и подлинно творческой натуры. Художественное начало господствует над всеми влечениями и поисками этого странного скитальца, столь артистически воспринимающего блеск природы, яркость быта, игру слова и прелесть человеческого существа. «Она меня красотой и талантом уязвила», — разъясняет он свой неисцелимый душевный недуг приятелю-князю, который безошибочно определяет всю его страстную и вдохновенную натуру: «Ты артист, ты настоящий, высокой степени артист!..»

Эта художественность натуры и обращает крепостного вершника Флягина к его бездумным скитальчествам по родимым просторам — от Каспия до Невы. Развертываются ландшафты нескончаемого маршрута: здесь и орловские поместья с их конными заводами, и Пенза, с ее «азиатской» ярмаркой, и заволжские степи, пахнущие овцой, и астраханские побережья с рыбными промыслами, и Нижний с шумным Макарьевским развалом, и петербургские балаганы на Адмиралтейской площади, и Кавказ с его быстрыми горными потоками, и горячие пески Бугского лимана под Николаевом, и холодное Ладожское озеро. Чудесная география и колоритная этнографическая бытопись России в движении, действии, красках и борьбе, ибо артистическое восприятие родины здесь становится действенным и боевым, а в поэте и страннике пробуждается защитник родной земли, охваченный активной любовью к ней и неукротимой ненавистью к ее врагам.

«И тут-то исполнилось мое прошение, и стал я вдруг понимать, что сближается реченное: “егда рекут мир, нападает внезапно всегубительство!” и я исполнился страха за народ свой русский...» И он увещевает всех готовиться к отражению супостата: «И даны были мне слезы, дивно обильные!.. все я о родине плакал».

Так пространное повествование о шуточных и горестных впечатлениях бытия, о забавных и мучительных перебоях одной судьбы завершается высоким патриотическим вдохновением. Жизнелюбец Флягин впервые говорит и о своей близкой смерти; на расспросы слушателей он отвечает: «Скоро надо будет воевать»; внутренний голос твердит ему: «Ополчайся».

«— Разве вы и сами собираетесь идти воевать?»

— А как же-с? Непременно-с: мне за народ очень помереть хочется».

Этими простыми словами и заканчивается бурная автобиография очарованного странника.

Герой Лескова вырастает на глазах и принимает почти легендарные размеры. Автор сближает своего крепостного орловца с образом первого русского богатыря Ильи Муромца, каким он отразился в поэзии и живописи. Свобода и независимость натуры Ильи, его страсть к вольным странствованиям удачно схвачены в балладе Алексея Толстого, которую Лесков цитирует на первых же страницах «Очарованного странника»:

Снова веет воли дикой
На него простор,
И смолой, и земляникой
Пахнет темный бор.

И герой Лескова, как древний витязь русского эпоса, окован в плену, полуискалечен, приведен к бездействию и мертвенной спячке. Отсюда и заглавие повести — «Очарованный странник», то есть обессиленный вражьими чарами вольный наездник по бескрайним родным равнинам. В этом смысле и повествует рассказчик, как убежал наконец из татарской степи очарованный богатырь. Образ, созданный Лесковым, перекликается с любимым созданием былинной фантазии, которым безвестные народные поэты обобщили свое представление о величии крестьянской Руси.

Чрезвычайно своеобразно построение этой повести Лескова. Сама тема, обильно насыщенная эпизодами конных ярмарок, цыганских таборов, барских конюшен и татарских становищ, раскрывает автору огромный сюжетный материал, разветвляющийся во все стороны новыми приключениями, случаями и анекдотами о коновалах, орловских заводчиках и укротителях диких коней. Основного сюжета в ней нет, есть только одна господствующая тема, растекающаяся на мелкие ручейки малых фабул и подчиненных мотивов, соединенных в повествовательное целое одной только личностью главного рассказчика.

Превосходна жанровая и пейзажная живопись. Как и в «Звере», где дана образцовая картина псовой охоты на медведя, в «Очарованном страннике» Лесков в полной мере проявляет свой дар художника-анималиста. В описаниях коней чувствуется зоркий наблюдатель и опытный знаток. С подлинным мастерством изобразив в этом рассказе множество лошадей, Лесков сумел индивидуализировать каждую, показав во всем их своеобразии и вольную степную кобылицу, и смирную татарскую кобылку, и заводскую красавицу Дидону, «молодую, золотогнедую, для офицерского седла...» Прелесть рассказа повышается умением автора обречь эту «жизнь животных» превосходными пейзажами сверкающих солончаков, вызывающих «одурение от блеску», или унылых степей, покрытых серебряным морем буйного пушистого ковыля. А общий драматизм повествования осложняется человеческими образами необычайной и трагической остроты, вроде «яркой змеи», цыганки Груши, которая «поцелует — как будто ядовитую кисточкою уста тронет и во всю кровь до самого сердца болью прожжет». Когда она поет, то хочет, чтоб от ее песни «чья-нибудь душа горела и мучилась». «Груша любила его [князя], злодея, всюю страстной своею любовью цыганскою, каторжной», и непонятно ей было чувство русской женщины, «которая жизнь свою перед ним как лампаду истеплила». Именно в таких сопоставлениях раскрываются новые черты тонкой психологической живописи Лескова.

Создавая повесть, Лесков отчасти ориентировался на жанр романа-путешествия с присущей этому виду быстротой смены мест, лиц и ситуаций. «Объезд помещиков вроде Чичикова всегда занимал меня, и я это пробовал слегка в “Смехе и горе” и в “Очарованном страннике”», — писал в 1888 году Лесков. Но следует признать, что у Гоголя этот композиционный закон обоснован: курьезный деловой проект Чичикова, возбуждает и поддерживает интерес читателя; у Лескова же передвижения Флягина несколько беспредметны, и вся его «одиссея» лишена единого фабульного стержня.

Судьбу Ивана Северьяновича Флягина Лесков называет «житейской драмокомедией». Необычайный термин как бы указывает на сложность жанра. Лесков развертывает свою повесть в мемуарном монологе целой цепью отдельных приключенческих новелл,

искусно рассказанных самим героем. Лесков хотел назвать свою повесть «Черноземным Телемаком», помятуя о чрезвычайно популярной в старину эпосе Фенелона «Странствования Телемака, сына Улисса». Возможно, юный Лесков зачитывался этим романом XVII века еще в орловской библиотеке писателя Масальского, где, несомненно, имелись русские переводы знаменитых фенелоновых «авантюр». Они сообщили Лескову в эпоху написания «Очарованного странника, его жизни, опытов, мнений и приключений» (таково было первоначальное заглавие повести) испытанный и признанный образец занимательной «педагогической поэмы» с основной темой о самовоспитании и нравственном росте героя в непрерывном потоке житейских испытаний. Обилие эпизодов, их контрастность и драматизм, их увлекательная сюжетная линия пленили Лескова и вдохновили его на аналогичную композицию своей степной эпопеи. Объезд Телемаком всего Средиземноморья с его этнографической пестротой и ландшафтным разнообразием; его пленение в Египетской пустыне, где он просвещает пастухов; соблазны нимфы Калипсо и чувственные нравы Кипра; страсти и битвы, укрощение диких зверей и опасности кораблекрушений; игры и празднества — все это своеобразно преломляется у Лескова в картинах заволжских степей, цыганских плясок, вольных ристалищ и азиатских единоборств. Характерен у Фенелона и прием изложения самим Телемаком своих походов. Все это послужило Лескову образцом для придания наибольшей выразительности его панораме России и психологическому портрету его «черноземного» героя.

Лесков никогда не переставал прилежно учиться своему искусству по образцам мировой литературы, замечательно сохраняя при этом своеобразие своей манеры и характерность национального колорита своей темы.

По Л. Гроссману

В повести «Очарованный странник», написанной в 1873 году, в образе беглого крепостного Ивана Флягина наиболее отчетливо выражена героика русской жизни. Первоначальное заглавие повести «Черноземный Телемак» указывает на символический характер главного ее героя, который, по характеристике Лескова, «был в полном смысле слова богатырь, и притом типический, простодушный, добрый русский богатырь, напоминающий дедушку Илью Муромца в прекрасной картине Верещагина и в поэме графа А.К. Толстого». Скитания этого «черноземного Телемака» по России должны, по мысли автора, создать художественное обобщение, подобное поездке Чичикова за «мертвыми душами».

«Объезд помещиков, — пишет Лесков 22 апреля 1888 года А. Суворину, — вроде Чичикова всегда занимал меня, и я это пробовал слегка в... «Очарованном страннике?»».

По яркости и широте повествования «Очарованный странник» относится к лучшим повестям Лескова. Перед читателем проходит вереница приключений Ивана Северьяновича, и весь этот разнородный материал образует целостную многокрасочную картину странничества человека в своей родной земле. Почти в каждом эпизоде повести Иван Северьянович противопоставляется своим бесчисленным хозяевам: он спас графскую семью, остановив понесшихся к пропасти лошадей, но «спасителя» вскоре отодрали на конюшне; оказал услугу офицеру, но тот его прогнал; наконец, попросил попов-миссионеров вывести его из плена, а те велели ему смириться и терпеть. Во всех жизненных испытаниях Иван Северьянович остается неизменно верным своему слову и долгу, совершает поступки, полные благородства и героизма. От протавившихся помещиков, духовенства и дельцов этот малограмотный крепостной отличается своей «художественной» натурой, побуждающей его всюду искать красоту жизни, «природы совершенство». При всем этом Лесков не идеализирует героя, не находит в нем «народной мудрости» и во всех подробностях изображает дикарскую жестокость Ивана и его запойные «выходы». Тем не менее к концу повествования незаметно слабеет впечатление

от неприглядного облика героя, и читатель видит поднимающуюся во весь рост гигантскую фигуру беглого раба, благородного в поступках и бесстрашного перед лицом смерти.

Эта лесковская тема народной героики находит свое прямое отражение в самом стиле повести — в ее оптимистическом тоне, в живописности художественных средств, в многоцветной красочности сказовой речи. И все же, утверждая вместе со своим героем радость и красоту жизни, Лесков не пытался приукрасить современную ему действительность, а шел к ее обличению.

Ирония и сатира непрерывно осложняют общий мажорный тон «Очарованного странника». Так, например, находясь в степи и тоскуя по дому, Иван Северьянович пытается вообразить, чем же привлекательна его родина:

«...И вдруг вздумаешь: эх, а дома у нас теперь в деревне к празднику уток, мол, и гусей щипят, свиной режут, щи с зашеиной варят жирные-прежирные, и отец Илья, наш священник, добрый-предобрый старичок, теперь скоро пойдет он Христа славить, и с ним дьяки, попадьи и дьячихи идут с семинаристами, и все навеселе, а сам отец Илья много пить не может... и раскиснет и ползет к нам на дворню... Ах, судари, как это все с детства памятное житье пойдет вспоминаться, и понапрет на душу, и станет вдруг загнетать на печенях, что где ты пропадаешь, от всего этого счастья отлучен».

Многие сцены «Очарованного странника» предвосхищают сатирические произведения Лескова 1880–90-х годов. Так, например, сцены в графском поместье предшествуют сатирической обрисовке крепостничества в «Тупейном художнике». А в удивлении героя, что он «всю жизнь погибал и никак не мог погибнуть», служащем лейтмотивом всего произведения, в неправдоподобно удачливых спасениях от барских расправ, голода и солдатчины совмещены в едином звучании и проникнутая оптимизмом символика неугасимой жизненности русского народа, и горькая ирония Лескова над ненадежной судьбой отдельного человека.

По Б. Другову

В произведениях Лескова лучшие народные образы являются обобщением замечательных черт русского народного характера. Так, в «Очарованном страннике» в таком обобщенном аспекте взят бывший крепостной Иван Северьянович Флягин, которому Лесков дал внешний облик доброго русского богатыря, «потомка старого Ильи Муромца». Этим сближением с любимым образом народной фантазии, крестьянским сыном Ильей Муромцем, воплотившим лучшие черты русского народа, оплотом и защитником русской земли, Лесков как бы подчеркивает символическое значение центральной фигуры своего творчества — легендарного образа очарованного странника (характерно, что первоначальное название повести было «Черноземный Телемак»).

В образе Ивана Северьяновича автор раскрывает основные примечательные свойства русского национального характера: простодушие и человечность, практическую сметку и упорство, мужество и выносливость, чувство долга, и любовь к своей родине. Куда бы ни бросала судьба Ивана Северьяновича, бывшего крепостного, в течение многих лет странствий по необъятным просторам России («Мне доводилось быть и на конях и под конями, и в плену был, и воевал, и сам людей бил, и меня увечили, так что, может быть, не всякий бы вынес»), он везде остается верен своей широкой, цельной художественной натуре. Наделенный от природы огромной физической силой и страстным темпераментом, Иван Северьянович отличается и исключительной человечностью, отзывчивостью: он умеет тонко чувствовать природу, любить птиц, страстно и нежно привязывается к покинутому матерью ребенку. Знаток и любитель лошадей, Иван Северьянович объезжал их с большой смелостью, поражая своим умением определять качество лошадей. И когда его просили открыть «секрет мастерства», он отвечал: «Никакого у меня секрета нет, а у меня на это природные дарования». Другой персонаж повести от лица автора поясняет: «Русский человек за что бы ни взялся, все сможет». Оправданием этих слов

служит не только сноровка и тонкое мастерство во всяком деле, во всякой работе, которую Иван Северьянович выполнял артистически («ты артист, настоящий, высокой степени, артист», – говорит о нем князь), но и проявляемое им мужество и храбрость на войне, за что он, бывший крепостной, получает Георгия и офицерский чин.

За долгие годы странствий по родным просторам, за время томительного пребывания в татарском плену Иван Северьянович неизменно сохраняет свою глубокую любовь к родине и народу. Свой рассказ о скитаниях он заканчивает словами, «что скоро надо будет воевать», «внутренний голос внушает ополчаться» и ему «за народ очень помереть хочется». Так чудесный «землепроходец» выступает защитником русской земли, готовым отдать свою жизнь в битве с врагами.

По В. Гебель